

ВОЙНА И МЫ

Я ДРАЛСЯ

В МОРСКОЙ
ПЕХОТЕ

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» В БОЮ

Война и мы

Коллектив авторов

**Я дрался в морской пехоте.
«Черная смерть» в бою**

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Коллектив авторов

Я дрался в морской пехоте. «Черная смерть» в бою /
Коллектив авторов — 2016 — (Война и мы)

«Ни шагу назад!» – советская морская пехота была верна этой клятве на всех фронтах. «Черные дьяволы» – это прозвище морпехи заслужили на Великой Отечественной. «Черной смертью» окрестили их немцы. «Полундра!» – их боевой клич наводил ужас на врага. Закусив ленточки бескозырок, распахнув бушлаты, чтобы видны были тельняшки, – в прорыв идет морская пехота! В этой книге впервые собраны интервью морпехов Великой Отечественной. Это – фронтовая правда тех, кто не кланялся пулям ни в Крыму, ни под Ленинградом, ни на Малой Земле, ни в Корее. Тех, кто стал для гитлеровцев и японцев «черной смертью».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Содержание

Предисловие	6
Андреев Петр Ефимович	18
Бабилов Макар Андреевич	22
Гантимурова Альбина Александровна	32
Колосов Павел Гордеевич	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Я дрался в морской пехоте. «Черная смерть» в бою

© ООО «Яуза-каталог», 2016

* * *

Предисловие

Более 70 лет отделяют нас от дня исторической победы Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Однако до сих пор это знаменательное событие мировой истории, оказавшее огромное влияние на все послевоенное развитие человечества, продолжает волновать сердца и умы современников: политиков, государственных и общественных деятелей, ученых, историков, исследователей.

Великая Отечественная война Советского Союза по своим масштабам, участию в ней людских масс, применению огромного количества боевой техники и вооружения, напряжению и жестокости превзошла все предыдущие войны.

Историческая память нашего народа оценивает Великую Отечественную войну как национальный символ огромной государственной значимости, а ее итоги и последствия – как выдающееся событие в истории нашего Отечества и всего мира.

Эта война была для советского народа и его Вооруженных сил самым трудным, драматическим, но вместе с тем и героическим временем. В годы военных испытаний с невиданной силой проявились глубоко укоренившиеся в народе чувства национальной гордости и беспредельной преданности свой Отчизне.

Сегодня через призму десятилетий ярче предстает величие подвига нашего народа и его армии и флота, острее ощущается необходимость осмысления его исторической значимости.

Как известно, основной задачей флота на протяжении всей войны являлось содействие сухопутным войскам на приморских направлениях, где особую роль сыграла морская пехота, чей вклад в победу в Великой Отечественной войне до сих пор должным образом не оценен.

Овеянная боевой славой, заслужившая любовь и признательность всего народа, морская пехота всегда была окружена ореолом героизма и романтики.

27 ноября 2015 г. морской пехоте России исполнилось 310 лет. Вся героическая история этого рода сил (войск) Российского флота – выдающийся подвиг беззаветного служения Отечеству, до сих пор в полной мере не оцененный ни предыдущими поколениями, ни современниками.

В начале Северной войны 1700–1721 гг. Петр I, используя исторический опыт боевых действий русских сухопутных войск на море, – княжеских дружин и воев, запорожских и донских казаков, стрельцов и проходивших службу на флоте солдат пехотных полков, сражавшихся на парусно-гребных судах, – сформировал первый морской полк, ставший родоначальником морской пехоты России.

С самого начала существования морской пехоты суровые условия службы и специфика боевого применения выделили ее в особый род сил Военно-морского флота.

В созданной Петром Великим регулярной морской пехоте воплотились лучшие боевые качества русской армии и флота, в ней с наибольшей силой проявились отличительные национальные свойства великого народа.

Переноса наравне с матросами тяготы и лишения нелегкой корабельной службы, морские пехотинцы, кроме того, участвовали в жесточайших абсордажных боях на море, озерах и реках, требовавших особой отваги и мужества, умения владеть огнестрельным и холодным оружием, под огнем противника высаживались на берег и сражались на суше как армейские пехотные полки.

Боевые действия морской пехоты оказали огромное влияние на исход Северной войны.

Блестящими образцами боевой деятельности морской пехоты по защите национальных интересов России в Средиземном море явились первая (1769–1774 гг.), вторая (1805–1807 гг.) Архипелагские экспедиции и Средиземноморский поход Ушакова 1798–1800 гг.

Славные страницы в историю морской пехоты России вписали созданные в 1803 г. морские полки Балтийского и Черноморского флотов, а также сформированный в 1810 г. морской Гвардейский экипаж.

Мужество и отвагу проявила морская пехота при обороне Севастополя, Петропавловска-Камчатского, Порт-Артура и в годы Первой мировой войны.

Наибольшее развитие морская пехота получила в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Морская пехота военных лет стала символом безудержной отваги, исключительной стойкости, особой удали, презрения к смерти, высокого боевого мастерства, любви к Родине и непоколебимой верности воинскому долгу.

Именно в Великой Отечественной войне с наибольшей полнотой проявились высокие морально-боевые качества морской пехоты, выделившие ее как род сил с неповторимым национальным обликом.

Вследствие крайне тяжелых условий начального периода войны, когда отступавшие войска Красной армии понесли огромные потери в личном составе и боевой технике, противник овладел значительной частью территории страны, что значительно осложнило проведение мобилизации.

Именно в это наиболее трудное для государства время, как это не раз было в истории России, особо важную роль стратегического резерва сыграла морская пехота.

На различных фронтах в военные годы в составе объединений, соединений и частей сухопутных войск, флотов и флотилий в разное время вели боевые действия: одна дивизия, 19 бригад, 14 полков, 36 батальонов морской пехоты и 35 морских стрелковых бригад. Кроме того, на базе соединений морской пехоты было сформировано 5 гвардейских стрелковых и 16 стрелковых дивизий; моряки сражались в составе 19 гвардейских стрелковых и 38 стрелковых дивизий.

Обороняя военно-морские базы, высаживаясь в составе морских, озерных и речных десантов, принимая участие в основных оборонительных и наступательных операциях на всех театрах военных действий, морская пехота сыграла выдающуюся роль оперативно-стратегического резерва страны в Великой Отечественной войне и внесла неоценимый вклад в победу над фашистской Германией.

В годы войны существовали три разновидности морской пехоты: соединения и части морской пехоты, в наибольшей степени соответствовавшие предназначению этого рода сил флота; морские стрелковые бригады и, наконец, соединения и части сухопутных войск, не имевших в своих названиях слов «морская» или «морской», но укомплектованных в основном моряками и, что самое главное, сражавшихся как морская пехота.

Формирование частей и соединений морской пехоты началось уже в первые дни войны. Типовыми формами организационно-штатной структуры морской пехоты в это время являлись бригада, полк и батальон. Бригада морской пехоты состояла, как правило, из трех-шести батальонов (включая батальон автоматчиков), одного-двух артиллерийских дивизионов (а до 1942 г. и минометного батальона), подразделений боевого обеспечения (батальон (рота) связи, разведывательная и саперная роты, рота противотанковых ружей, взвод ПВО и др.), подразделений тылового обеспечения и насчитывала четыре-шесть тыс. чел.

Формирование морских стрелковых бригад началось значительно позднее в ноябре – декабре 1941 г., когда в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны от 8 октября 1941 г. было сформировано 25 стрелковых бригад, 27 декабря этого же года переименованных в морские стрелковые бригады. В отличие от соединений морской пехоты эти

бригады формировались в военных округах. При этом на укомплектование морских стрелковых бригад Военно-морской флот выделил 39 052 чел.

Морские стрелковые бригады формировались по штатам отдельной стрелковой бригады сухопутных войск и включали: три стрелковых батальона, отдельный артиллерийский дивизион 76-мм орудий, отдельный противотанковый дивизион, отдельный минометный дивизион, подразделения боевого и тылового обеспечения. При этом численность морской стрелковой бригады составляла около 4500 чел.

В годы Великой Отечественной войны около 200 тыс. морских пехотинцев сражались в соединениях и частях сухопутных войск. Многие стрелковые бригады, как, например, 4-я, 21-я, 22-я, 42-я, 54-я, 91-я, 92-я, 143-я и др. и дивизии имели в своем составе от 1400 до 3800 моряков.

Летом 1941 г. стали формироваться части и соединения морской пехоты на Балтийском флоте. Только в 1941 г. во исполнение постановлений ГКО и приказов НК ВМФ Балтийский флот передал Ленинградскому фронту 68 664 краснофлотца, командира и политработника, в т. ч. в состав 8-й армии – 13 батальонов, 3 роты и 1 отряд (всего 17 157 чел.); в состав Приморской оперативной группы – около 14 тыс. чел.

В июле в Ленинграде, Ораниенбауме и Кронштадте из личного состава кораблей, учебных отрядов и частей береговой обороны началось формирование бригад морской пехоты, которые сразу направлялись на фронт.

Система комплектования частей и соединений морской пехоты добровольцами из числа плавсостава и формирований флота в значительной степени способствовала перенесению в морскую пехоту сложившихся на флоте традиций и отношений, прежде всего флотской дружбы, особой морской спайки, имевших глубокие исторические корни.

Значительный процент моряков (от 40 до 80) имели морские стрелковые бригады. Так, 75-я ОМСБР, переформированная в марте 1942 г. в гвардейскую бригаду, включала около 75 процентов моряков, а 66-я морская стрелковая бригада – около 80 процентов. Причем 66-я МСБР была укомплектована моряками-добровольцами с четырех— пятилетним стажем службы на флоте.

Формирование частей и соединений происходило в атмосфере наивысшего патриотического подъема. Отъезжавших на фронт краснофлотцев, командиров и политработников торжественно провожало командование флотов и флотилий. Военные советы флотов выпускали специальные обращения. Так, в обращении Военного совета Северного флота к морякам, идущим на сухопутный фронт, говорилось:

«Товарищ! Ты идешь на сухопутный фронт. Родина-мать благословляет тебя на ратные подвиги. Всегда и везде помни, что ты славный потомок Нахимова и Корнилова, продолжатель дела революционных моряков Железнякова и Маркина, представитель героического Северного флота. Борись же с врагом храбро, мужественно, по-флотски... На шаг назад! Стой насмерть!»

В боевой деятельности подразделений, частей и соединений морской пехоты слитое воедино чувство национальной гордости и любви к Родине сопровождалось небывалым взлетом духовных сил.

Все лучшее и наиболее ценное из боевых традиций отечественной морской пехоты было взято на вооружение и питало духовные силы советской морской пехоты военных лет. Об этом свидетельствуют примеры несокрушимой стойкости морских пехотинцев при обороне военно-морских баз Лиепайи, Таллина, Ханко, Одессы, Севастополя, Новороссийска и Туапсе; таких приморских плацдармов, как полуострова Средний и Рыбачий, Ораниенбаумский плацдарм, Малая земля под Новороссийском, Огненная земля Эльтигена, а также крупнейших административных и промышленных городов Ленинграда, Москвы и Сталинграда.

Наряду с моральным духом, одной из важнейших составляющих ее высокой боеспособности являлась любовь к своему роду сил (войск). Хорошо сказал о морских пехотинцах известный военный писатель, воевавший в годы войны в разведке, Э. Казакевич: «В них была особая спаянность, порывистая удаль, гордость своей причастностью к морю, внешняя и внутренняя культура, свойственные морякам, и в то же время – основательность, настойчивость, гордость тем обстоятельством, что именно они своим продвижением по земле решают успех сражения, трезвая и расчетливая храбрость, свойственная пехоте».

На сухопутные фронты моряки принесли с собой корабельные порядки и флотские традиции. Даже в соединениях сухопутных войск, сформированных на базе бригад морской пехоты, укоренилась морская терминология. Многие солдаты носили флотские ремни с бляхами и тельняшки, доставшиеся им якобы «по наследству». Следует отметить, что моряки пользовались в сухопутных войсках непререкаемым авторитетом. Особо уважительно относились к командирам, о которых говорили: «Они еще вместе с моряками воевали». И это звучало как наивысшая похвала.

Как известно, в годы войны личный состав частей и соединений морской пехоты носил армейскую форму одежды. Однако флотским ремнем с бляхой, бескозырку, иногда бушлат и всегда дорогую сердцу каждого моряка тельняшку оставляли себе.

По сине-белым полоскам, проглядывавшим под расстегнутым воротом защитной гимнастерки, серой шинели, ватника или полушубка, всегда узнавали морских пехотинцев. Носить тельняшку под любой формой, в которую одевала моряков война, стало неписаным правилом и традицией.

Сражающаяся морская пехота – это потрясающая картина героической боевой деятельности полумиллиона моряков на фронтах Великой Отечественной войны.

Сосредоточение крупных сил морской пехоты в ходе стратегической обороны на главных операционных направлениях противника: ленинградском (около 110 тыс. чел.), сталинградском (около 100 тыс. чел.), кавказском (свыше 40 тыс. чел.), а также в обороне военноморских баз: Таллин (около 16 тыс. чел.), Одессы (около 50 тыс. чел.), Севастополь (около 75 тыс. чел.) и др. дало возможность не только обеспечить устойчивость приморских стратегических флангов советско-германского фронта и сковать значительные силы противника, но и удержать такие важные в стратегическом отношении крупные административно-промышленные центры, как Ленинград, Москва и Сталинград.

Важной составной частью боевой деятельности морской пехоты в годы Великой Отечественной войны в решении оперативно-стратегических задач явилось ее участие в стратегических оборонительных и наступательных операциях советских Вооруженных сил.

В начальный период войны морская пехота Северного флота многократными высадками морских десантов, контратаками и контрударами на дальних подступах к Мурманску задержала продвижение противника к этому важнейшему административно-политическому, экономическому центру и незамерзающему порту на севере страны. В боях на сухопутном фронте приняли участие около 10 тыс. чел. краснофлотцев, младшего и среднего командного состава флота, а также пять батальонов 12-й особой бригады морской пехоты. Следует отметить, что в это время боевой и численный состав сражавшихся на мурманском направлении частей сухопутных войск не превышал одну стрелковую дивизию.

Таким образом, благодаря решительным и героическим действиям частей морской пехоты Северного флота при поддержке корабельной артиллерии и авиации флота было остановлено продвижение немецкого горно-егерского корпуса к Мурманску.

Исключительно важное оперативно-стратегическое значение имело удержание в течение всей войны такого приморского плацдарма на правом фланге советско-германского фронта, как полуостровов Средний и Рыбачий. Создание здесь в июле 1942 г. Северного оборонительного района, основную боевую силу которого составляли три бригады и три

отдельных батальона морской пехоты, позволили использовать наиболее короткий морской путь для связи Советского Союза с внешним миром.

Морская пехота Балтийского флота с начала войны участвовала в оборонительных операциях на дальних подступах к Ленинграду. Ее активное участие в обороне Таллина и Ханко в сочетании с упорной обороной совместно с сухопутными войсками Лужского оборонительного рубежа сковали крупные силы противника и замедлили темпы его наступления, что дало возможность войскам Красной Армии укрепить ближние подступы к городу.

Устойчивость обороны Ленинграда особенно осенью 1941 г. в значительной степени обеспечивалась мужеством и стойкостью восьми отдельных бригад морской пехоты, для формирования которых Балтийский флот только в сентябре 1941 г. направил 44 700 чел.

Совместные наступательные действия 8-й и 42-й армий Ленинградского фронта, в составе которых сражались 1-я и 6-я отдельные бригады морской пехоты, а также высадка тактических десантов с 1 по 8 октября 1941 г. дали возможность войскам Невской оперативной группы, где действовала 4-я отдельная бригада морской пехоты, захватить плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубровки. Таким образом, был сорван замысел немецкого командования соединиться на реке Свирь, где занимала оборону 3-я бригада морской пехоты, с финскими войсками и на десять дней задержана переброска предназначавшихся для наступления под Москвой немецко-фашистских войск.

В героической летописи Великой Отечественной войны особое место занимает Ораниенбаумский плацдарм, где из 60 км общей линии обороны 50 км занимали части и соединения морской пехоты Балтийского флота.

Нельзя переоценить роль морской пехоты Черноморского флота, в составе которой действовали шесть бригад, девять полков, несколько отрядов и 22 батальона, в обороне Одессы, Севастополя, Новороссийска, Туапсе, Кавказа и придании устойчивости южному стратегическому флангу советско-германского фронта.

Участие морской пехоты в обороне таких важных административно-промышленных центров, как Москва, Ленинград и Сталинград, в значительной степени способствовало успешному осуществлению Московской, Ленинградской и Сталинградской стратегических оборонительных операций. В этих операциях участвовало в общей сложности около 275 тыс. моряков, то есть больше половины всего личного состава флота, направленного на сухопутные фронты.

Заслуживает внимание боевое применение частей и соединений морской пехоты в основных стратегических наступательных операциях Великой Отечественной войны.

В контрнаступлении под Москвой особо важную роль сыграли действовавшие на направлении главного удара морские стрелковые бригады. Так, учитывая высокие морально-боевые качества морских пехотинцев, командование Западным фронтом включило в состав 1-й ударной армии 62-ю, 71-ю и 84-ю морские стрелковые бригады, а также 42-ю стрелковую бригаду, имевшую в своем составе значительное количество моряков. В 20-й армии сражалась 64-я мсбр, а в составе Московской зоны обороны – 75-я мсбр и 1-й Московский отдельный отряд моряков (в дальнейшем – 166-я, а затем 154-я мсбр).

К утру 16 января 1942 г. 62-я омсбр полковника В. М. Рогова прорвала оборону противника на реках Лама и Лобь.

Уже первые бои показали высокие морально-боевые качества морских пехотинцев, заслуживших благодарность Военного совета 1-й ударной армии.

Значительную роль соединения морской пехоты сыграли в битве за Кавказ, где активное участие приняли 62-я, 68-я, 76-я, 78-я, 81-я и 84-я морские стрелковые бригады.

Важной составной частью большинства стратегических, фронтовых и армейских наступательных операций являлись морские, озерные и речные десанты, в составе которых действовала морская пехота. Высаживаемые во фланг и тыл противника, а иногда и непо-

средственно в порты десанты оперативного и тактического масштаба стали наиболее эффективной решительной формой совместных действий сухопутных войск и морской пехоты в ходе осуществляемых на приморских направлениях, а также в приозерных и приречных районах наступательных операций.

В ходе Выборгской операции оперативно-тактический десант в составе 260-й бригады Балтийского флота овладел Бьёркским архипелагом, что позволило установить полный контроль над входом в Выборгский залив и в значительной степени способствовало успешному наступлению войск Ленинградского фронта на приморском направлении.

В результате Тулоксинской десантной операции 23–27 июня 1944 г. оперативный десант в составе 3-й обрмп и 70-й омсбр перерезал основную коммуникацию финской оперативной группы «Олонецкая» и способствовал ее разгрому войсками 7-й армии Карельского фронта.

Широкий размах стратегических наступательных операций советских Вооруженных сил на приморских направлениях потребовал привлечения значительных сил морской пехоты не только для высадки десантов, но и участия соединений морской пехоты в прорыве подготовленной обороны противника, действий в составе передовых отрядов и первых эшелонов армий и корпусов в ходе развития наступления, а также в составе береговых отрядов сопровождения и маневренных отрядов. Так, существенную помощь войскам Приморской армии, наступавшей с плацдарма северо-восточнее Керчи, оказали соединения морской пехоты. В ночь на 11 апреля 1944 г. 83-я отдельная Новороссийская и 255-я отдельная Таманская Краснознаменные бригады морской пехоты Черноморского флота, действовавшие в составе 11-го гв. СК, прорвали оборону противника и к утру овладели г. Керчь. После этого 12 апреля бригады прорвали Ак-Монайский оборонительный рубеж 17-й немецкой армии, а затем, преследуя отходящего противника, вместе с передовыми частями 4-го Украинского фронта вступили в г. Симферополь.

Особое значение имели действия штурмовых групп и отрядов наступавших в первом эшелоне на направлении главного удара соединений морской пехоты при прорыве сильно укрепленных оборонительных рубежей военно-морских баз и крупных административных и промышленных центров.

Источником высокой боеспособности частей и соединений морской пехоты являлась духовная способность и готовность этого рода сил флота к выполнению поставленных задач в годы войны.

На формирование морального духа морской пехоты в годы Великой Отечественной войны глубокое влияние оказали национальное самосознание, национальный характер и национальная мораль, в которых нашли отражение лучшие боевые традиции армии и флота, придавшие специфический характер этому роду сил (войск) флота. Высшим проявлением морального духа морской пехоты в годы войны были патриотизм, самоотверженность, верность воинскому долгу и массовый героизм.

Части и соединения морской пехоты, несмотря на большие потери, в ожесточенных боях с фашистами оставались морально способными решать самые сложные задачи командования. Именно в способности сохранять устойчивость в самой сложной боевой обстановке выражалось моральное преимущество морской пехоты, способной расширять человеческие возможности, использовать дополнительные нравственные и духовные силы для достижения победы над врагом.

Как призыв к борьбе, как символ победы страну облетела весть о подвиге пяти моряков из 18-го батальона морской пехоты Черноморского флота (командир – капитан А. Ф. Егоров) 7-го ноября 1941 г., которые ценой собственной жизни остановили рвавшиеся к Севастополю немецкие танки.

Наилучшим образом проявили себя соединения морской пехоты в битве за Москву. Так, характеризуя высокие морально-боевые качества морских пехотинцев 64-й мсбр, ее командир полковник И. М. Чистяков писал: «В боях под Москвой моряки покрыли себя неувядаемой славой. Их храбрость не была простой удачей или тем более ухарством. Эта была отвага людей, одухотворенных сознанием великой цели, охваченных глубоким стремлением защитить, отстоять Родину!».

Таким образом, высокая боеспособность частей и соединений морской пехоты в годы Великой Отечественной войны определялась в первую очередь ее несокрушимым моральным духом, при этом его доминантой являлись патриотизм, ненависть к врагу и как производные этого – массовый героизм, готовность к самопожертвованию, стремление любой ценой выполнить свой долг перед Родиной.

Лучшие морально-боевые качества Российской армии и флота, выкованные в многовековой борьбе за честь и независимость Родины, воплотились в боевых традициях морской пехоты, которые сыграли важную роль в формировании высоких морально-боевых качеств ее личного состава в годы войны. Их характерными чертами явились устойчивость, преемственность, бережное отношение к героическому прошлому своего рода сил. При этом получившие дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны и пропитанные героическими и патриотическими идеями защиты Отечества боевые традиции морской пехоты обогатили военную историю нашей Родины.

Рассматривая проблемы воинского героизма морской пехоты в годы войны, следует отметить, что это явление социального и морального порядка имеет ряд специфических черт. Прежде всего, служба в морской пехоте по своему характеру, более чем какая-либо другая, требует исключительной моральной мобилизованности и решительности действий. Таким образом, деятельность личного состава этого рода сил флота, определяемая требованиями воинского долга, предполагает его постоянную готовность к свершению героического, готовность к подвигу.

Неисчерпаемым источником, который питал морских пехотинцев мужеством и отвагой, порождал героические подвиги, была любовь к Родине, животворный советский патриотизм. «Волжским Данко» назвал народ морского пехотинца Михаила Паникаха за его замечательный подвиг, совершенный в битве за Сталинград. В упорном кровопролитном бою Паникаха израсходовал все гранаты. Остались только бутылки с горючей смесью. В этот момент случилось непредвиденное: в момент броска пуля разбила бутылку и пламя охватило моряка. Как живой факел он бросился к фашистскому танку и второй бутылкой поджег его. Сообщая об этом подвиге морского пехотинца, его командир писал: «При жизни он был равным среди нас, а мертвым поднялся как яркая звезда».

В патриотизме слились воедино безграничная любовь морских пехотинцев к Отечеству, к его лучшим вековым традициям, материальным и культурным ценностям и беспредельная верность воинскому долгу, готовность исполнить его до конца.

В годы войны многие представители видов и родов советских Вооруженных сил совершали героические подвиги, но и в их ряду подвиги морских пехотинцев занимают особое место.

Боевой порыв десятков тысяч морских пехотинцев в боях на дальних и ближних подступах к Ленинграду, в битвах за Москву, Сталинград и Кавказ, высочайший взлет духовных сил в ходе Керченско-Феодосийской, Новороссийской, Керченско-Эльгинской, Тулуксинской десантных и Новороссийско-Таманской, Петсамо-Киркенесской, Крымской, Прибалтийской и др. стратегических наступательных операций – ярчайшее свидетельство массового героического порыва частей и соединений морской пехоты во имя Победы, во имя свободы и независимости своей Родины.

За годы войны свыше 200 морских пехотинцев стали героями Советского Союза. Из них 80 человек были удостоены этого звания, сражаясь в составе частей и соединений сухопутных войск.

Все вышеизложенное предваряет ознакомление читателей с содержанием книги и позволяет им более вдумчиво подойти к оценке излагаемых в ней событий.

Следует отметить, что приводимые на страницах интервью с морскими пехотинцами – участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Советско-японской войны 1945 г. – представляют собой жанр публицистики, заключающийся в беседе журналиста с одним лицом по вопросам, имеющим актуальное общественное значение и преследующий главным образом информационную цель.

Выход в свет книги в год 70-летия Великой победы и 310-й годовщины морской пехоты России придает ей особую значимость.

Нельзя не подчеркнуть безусловную ценность приводимых в произведении интервью, прежде всего с точки зрения свидетельств морских пехотинцев времен Великой Отечественной войны. В них сохраняется непосредственность восприятия, знание таких подробностей и ощущение таких оттенков, которые нередко ускользают из поля зрения тех, кто не был участником или свидетелем событий. Никто в такой степени, как современник, не способен уловить и передать наиболее характерные черты событий прошедшей войны.

Представляется, что читатель, прежде всего исследователь и историк, не будет слишком строг в оценке мнений и высказываний ветеранов морской пехоты, а также ценности приводимых воспоминаний и степени их достоверности. Объективная оценка любых событий, в т. ч. исторических, дело сложное, и к ней надо относиться с известной долей осторожности. Порой участники войны подвержены личным пристрастиям и потому своеобразно оценивают значение какой-либо личности или события, тем более что любой современник лишен тех объективных преимуществ, которые содержит в себе ретроспекция, то есть обращение к прошлому, обзор прошедших событий.

С другой стороны, потомки, представители последующих поколений в большинстве случаев являются своего рода пленниками ретроспекции, что не позволяет им сделать правильные выводы.

В книге приводятся интервью с десятью морскими пехотинцами – участниками Великой Отечественной и Советско-японской (1945 г.) войн. В их числе один Герой Советского Союза полковник в отставке М. А. Бабилов, одна женщина – разведчица А. А. Гантимурова. Все ветераны морской пехоты примерно одного возраста (1919–1926 года рождения). При этом три из них (А. А. Гантимурова, С. Я. Прикот, А. С. Чоков) принимали участие в битве за Ленинград), два (М. А. Бабилов и П. Г. Колосов) воевали сначала в Заполярье в 18-м особом разведывательном отряде штаба Северного флота, а затем – в составе 140-го разведывательного отряда на Тихоокеанском флоте во время Советско-японской войны 1945 г. Пять человек сражались на Черном море – один (И. Т. Кулибаба) в 83-й отдельной стрелковой Новороссийско-Дунайской дважды Краснознаменной ордена Суворова II степени бригаде морской пехоты; два (М. Г. Колесников и В. М. Лабонин) в 255-й отдельной стрелковой Таманской дважды Краснознаменной орденов Суворова II степени и Кутузова II степени бригаде морской пехоты; один (Л. Н. Ройтенбург) в 7-й бригаде морской пехоты Черноморского флота и один (П. Е. Андреев) в 393-м отдельном Новороссийском Краснознаменном батальоне морской пехоты Черноморского флота.

Пусть читателя не смущает имеющиеся в наименованиях двух прославленных бригад Черноморского флота 83-й и 255-й сочетание слов «стрелковая» и «бригада морской пехоты». Этот факт засвидетельствовал отметивший в 2015 г. свое 90-летие ветеран 83-й бригады Герой Советского Союза полковник М. В. Ашик, подаривший автору этих строк фотографию Боевого знамени своей бригады. Это ни в коем случае нельзя ставить в вину

ветеранам вышеуказанных бригад, допустившим неточность в наименовании своих соединений. Подобной путаницы не смогли избежать даже энциклопедические издания. Истинное наименование дает Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Самой яркой личностью из всех ветеранов морской пехоты безусловно является Герой Советского Союза М. А. Бабиков.

Будущий разведчик родился в 1921 г. в с. Усть-Цильма Усть-Цилемского района Коми АССР. Русский. В 1940 г. был призван в Военно-морской флот. Прошел подготовку в Объединенной школе Учебного отряда Северного флота, после окончания которой служил рядовым в 58-м отдельном артиллерийском зенитном дивизионе, где встретил начало войны.

В июне 1942 г. М.А. Бабиков подал рапорт о зачислении его в 4-й добровольческий отряд моряков, на базе которого впоследствии был сформирован 181-й особый разведывательный отряд. В этом отряде он воевал сначала рядовым, затем командиром отделения и командиром взвода.

За отвагу и мужество, проявленные при выполнении заданий в тылу противника, отважный разведчик был награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

В мае 1945 г. из личного состава разведчиков-североморцев, переведенных на Тихоокеанский флот, был сформирован 140-й отряд особого назначения штаба Тихоокеанского флота, в котором Бабиков стал командиром взвода.

В ходе Сейсинской десантной операции 1945 г. взвод Бабикова прорвался в тыл противника, захватил мост через реку, уничтожил более 50 его солдат, шесть автомашин и отрезал пути японским подразделениям. В боях за Сейсин командир взвода получил ранение в голову, но остался в строю, продолжая командовать своими разведчиками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. главному старшине М. А. Бабикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенный период М. А. Бабиков служил в органах государственной безопасности. Завершил службу в звании полковника.

Принимая во внимание тот факт, что интервью с двумя разведчиками, М. А. Бабиковым и П. Г. Колосовым, воевавшими под командованием дважды Героя Советского Союза В. Н. Леонова, занимают почти половину книги и в значительной степени касаются проведения ряда известных десантных операций и десантов, представляется целесообразным уделить последним внимание и дать им основанную на научных источниках оценку.

С 28 апреля по 10 мая 1942 г. в целях срыва готовящегося наступления противника на Мурманск была осуществлена Мурманская наступательная операция. По замыслу операции главный удар наносили 72-я морская стрелковая бригада и 10-я гвардейская стрелковая дивизия 14-й армии.

Для содействия наступающим войскам армии и нанесения удара по правому флангу обороны противника на южное побережье Мотовского залива была высажена 12-я особая бригада морской пехоты полковника В. В. Рассохина с задачей разгромить оборонявшиеся на берегу подразделения противника и наступать навстречу главной группировке войск 14-й армии, содействуя ей в разгроме 143-го горно-егерского полка.

С целью ввода в заблуждение противника относительно высадки главных сил накатуны в Титовской губе, в 10 км от участка высадки бригады был высажен демонстративный десант в составе 170 чел. разведывательного отряда Северного флота под командованием лейтенанта Н. Ф. Фролова.

Отряд имел задачу атаковать опорный пункт противника на высоте 415,3 и прикрыть правый фланг бригады.

В ночь на 28 апреля 1942 г. 12-я обрмп (6235 чел., 4775 винтовок, 146 автоматов, 28 станковых, 61 ручной и 11 зенитных пулеметов, двадцать шесть 82-мм минометов и семь

45-мм орудий) скрытно, без артиллерийской подготовки, произвела высадку в трех пунктах Мотовского залива на участке до 6 км.

Застигнутый врасплох противник не смог оказать серьезного сопротивления. К 8.00 бригада захватила пункты высадки, а к исходу 28 апреля расширила плацдарм по фронту до 7 км и в глубину до 5 км.

30 апреля после усиленной огневой подготовки противник перешел в наступление, нанося главный удар в стык 2-го и 5-го батальонов. В результате ожесточенного многочасового боя подразделения указанных частей отошли на рубеж безымянных высот, где закрепились и отразили все атаки немецких егерей.

В это время, по свидетельству командира 12-й обрмп, командир 1-го батальона капитан В. Н. Симоненко доложил об отходе прикрывавшего правый фланг бригады разведотряда штаба флота. В сложившейся остановке полковник В. В. Рассохин возложил обеспечения своего правого фланга на 1-й батальон.

1 мая резко ухудшилась погода, помешавшая вводу в бой второго эшелона 14-й армии – 52-й стрелковой дивизии. Понижилась температура, начались снегопады и метели. Всякое передвижение по дорогам стало невозможным. Было исключено использование авиации. Целую неделю с 4 по 11 мая свирепствовала пурга. Вихри мокрого снега сменялись холодным ветром, земля покрывалась ледяной коркой, по которой невозможно было передвигаться. Участники тех боев утверждали, что ничего более страшного из пережитого в Заполярье они не видели. Разыгравшаяся стихия доставила людям невероятные лишения и тяготы.

Тем не менее 12-й обрмп в крайне сложных погодных условиях продолжала героически сражаться. Подводя итоги операции, следует отметить, что бригада поставленную задачу выполнила, продвинулась на 18 км вглубь территории, занятой противником, и достигла дороги. Только вследствие того, что 14-я армия не смогла прорвать немецкую оборону с фронта и не вышла на соединение с бригадой, противник получил возможность использовать резервы 2-й и 6-й горно-егерских дивизий и свои оперативные резервы против бригады, которая вынуждена была перейти к обороне. В ходе упорных и ожесточенных боев в сложных условиях горной местности Заполярья войска 14-й армии во взаимодействии с морской пехотой, кораблями и авиацией Северного флота сорвали готовящееся наступление немецких войск на Мурманск.

В интервью с разведчиком П. Г. Колосовым есть интересный момент, когда он рассказывает о том, что идея написания книги «Пушки острова Наворон» у автора английского писателя Маклина возникла после прочтения в свое время в городе Мурманске в газете «Североморец» статьи о захвате разведчиками Северного флота двух немецких батарей на мысе Крестовом. При этом к указанному событию Павел Гордеевич на протяжении своего интервью возвращается неоднократно. Поэтому имеет смысл более подробно рассмотреть операцию по захвату мыса Крестовый.

В ходе Петсамо-Киркенесской стратегической наступательной операции 1944 г. сводный разведывательный отряд под командованием капитана И. П. Барченко-Емельянова имел задачу высадиться в составе диверсионного десанта на южное побережье Мотовского залива, скрытно совершить рейд в тылу противника и уничтожить батареи на мысе Крестовый. От этого зависел успех морского десанта Северного флота в районе Печенги.

Мыс Крестовый, где размещались опоясанные дотами две четырехорудийные немецкие батареи – одна 82-мм зенитная и противокатерная, а другая 155-мм тяжелых орудий, являлся самым мощным опорным пунктом, своеобразным бастионом горных егерей, «ключом Линахамари», надежно охранявшим подступы к ней.

К началу операции сводный отряд включал разведывательный отряд СОР, разведывательный отряд штаба СФ (42 человека) под командованием лейтенанта В. Н. Леонова,

группу артиллеристов 113-го отдельного артиллерийского дивизиона, группу саперов 338-го отдельного саперного батальона, а также радистов и медиков. Общая численность сводного разведывательного отряда составляла 195 человек.

Разведчикам морской пехоты предстояло с полной выкладкой общим весом около 40 кг пройти в глубоком тылу противника свыше 30 км по труднодоступной горно-тундровой местности, изобилующей глубокими ущельями, отвесными скалами, озерами и реками.

В целях скрытности и других соображений оба разведывательных отряда шли по своему маршруту.

К утру 11 октября измотанные ночным переходом разведчики вышли в район оз. Сяси-ярви, где расположились на отдых. В сумерках движение возобновилось, и к наступлению темноты отряд вышел на прибрежные отроги у залива Петсамовуоно, с которых просматривались контуры мыса Крестовый. За ним на противоположном берегу виднелся порт Линахамари.

К двум часам ночи отряд вышел к перешейку мыса Крестовый. Здесь командир сводного разведывательного отряда капитан Барченко-Емельянов собрал командира разведотряда штаба СФ и командиров взводов, провел боевое ориентирование, ввел в обстановку и отдал боевой приказ. Согласно замыслу боя отряд лейтенанта Леонова в количестве 42 человек, усиленный отделением сержанта Лебедева из разведвзвода лейтенанта А. Петрова и группы артиллеристов 113-го оадн (17 чел.), захватывал четырехорудийную 88-мм зенитную батарею, взвод лейтенанта Петрова (без отделения) с группой саперов-подрывников, обойдя вдоль берега опорный пункт противника, атаковывал с фланга огневую позицию 150-мм батареи. Взводы ст. лейтенанта А. Н. Синцова, лейтенантов Ю. В. Пивоварова и А. В. Кубарева захватывали штурмом опорный пункт противника, после чего уничтожали береговую батарею.

Атака началась в 5.00 12 октября. Внезапное появление разведывательного отряда ошеломило противника. Однако, несмотря на большие потери, которые нес противник, очаги сопротивления возникали то в одном, то в другом месте. Тем не менее к рассвету первая батарея на вершине скалы оказалась в руках разведчиков морской пехоты.

На захваченной батарее 88-мм пушек подорванным оказалось только одно орудие. Из оставшихся трех орудий посланные с лейтенантом Леоновым артиллеристы 113-го отдельного артиллерийского дивизиона открыли огонь по порту Линахамари.

Но, как оказалось, самые тяжелые испытания были еще впереди.

Противник подверг мыс Крестовый массированному огневому налету артиллерийских батарей крупного калибра с противоположного берега залива, после чего в середине дня немцы высадили на мысе несколько десантных групп.

Первый немецкий десант в составе двух отделений был полностью уничтожен тремя разведчиками лейтенанта Леонова. Вторая попытка немцев высадить десант также не увенчалась успехом.

И все же егерям удалось высадиться со стороны скалы, где находилась раненые отряда. Здесь разгорелся напряженный и ожесточенный рукопашный бой. Это была та смертельная схватка, когда в ход шли и холодное оружие, и кулаки, и подвернувшийся под руку булыжник.

Разведчики упорно теснили егерей, которые, оказавшись у обрыва скалы, бросились в последнюю атаку, но не смогли добиться успеха и были вынуждены с криками скатиться вниз.

Производя перегруппировку, сводный разведывательный отряд продолжил наступление и к исходу дня взял под контроль весь берег, лишив противника возможности переправлять через залив подкрепление. В это же время все оставшиеся в живых немцы были заблокированы в районе огневых позиций 150-мм батареи. После прибытия на мыс Крестовый

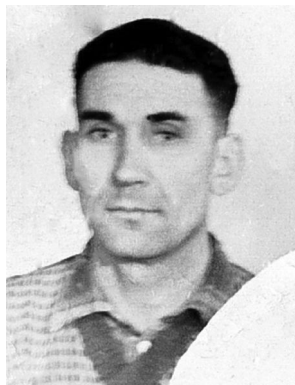
обещанной помощи – отдельной разведывательной роты 63-й бригады морской пехоты – гарнизон Крестового капитулировал.

Ушли в историю годы Великой Отечественной войны, но живут овеванные легендами подвиги славной морской пехоты. Они живы в памяти людей, в боевых традициях армии и флота, в названиях улиц, кораблей и судов, в памятниках и обелисках, в кинолентах, книгах и песнях.

Профессор кафедры оперативно-тактической подготовки Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, доктор исторических наук, полковник в отставке

Евгений Петрович Абрамов

Андреев Петр Ефимович

(интервью Ю. Трифонова)

Я родился 9 июля 1924 года в г. Ярцево Смоленской области. Родители мои рано умерли: мать в 1928 году, когда мне было четыре года, а отец во время голода в 1932. Так что своего родства толком не знаю. Папа трудился на заводе, мать там же работала. Матери я даже ни имени, ни года рождения не знаю, она сильно болела. Жили мы трудно, в семье было пятеро детей, старшая сестра – 1910 года рождения, еще одна сестра, двое братьев и я. После смерти родителей стали мы беспризорными, первое время хотели нас в детский дом отправить, старшей сестре приказывали отдавать дом государству, но она наотрез отказалась. Жили мы очень бедно и плохо, но сестра одна трудилась для нас всех.

До войны я окончил шесть классов, после поступил в школу фабрично-заводского обучения и пошел работать на текстильную фабрику. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Наши войска стали отступать, враг приближался к Ярцево. В июле забегает к нам в цех старший мастер и объявляет рабочим, что нужно бросать станки, немец находится уже за речкой Вопь. Километров пять осталось до врага, не больше. Приказали нам взять с собой только самое необходимое – документы и вещи, и уходить из города. Сестры и братья присоединились ко мне, ведь все старшие работали на ярцевских предприятиях. Мы отправились до Вязьмы пешком, а это свыше 100 километров. Пришли в город, тут старший мастер объявляет, что на железнодорожной станции стоит эшелон, который предназначен для того, чтобы отвезти нас в тыл. Мы подошли к вокзалу, там стояли эвакуированные эшелоны, вагоны в которых были заполнены станками и сидевшими рядом с ними рабочими. А мы притопали со своими узлами. И только мы очутились на перроне, как тут налетели немецкие самолеты и начали страшно бомбить Вязьму. Началось все ровно в 18.00, и город после массированных авиационных ударов горел до раннего утра. Потом все закончилось, сошлись наши ярцевские, попрятавшиеся от бомбежки, и старший мастер говорит: «Давайте, ребята, наберитесь терпения, надо пройти еще 17 километров, и на разъезде ждет наш эшелон». Мы пришли туда, точно, стоят вагоны, обитые маскировочными сетями, при этом выяснилось, что сами вагоны были телячьими с тремя ярусами коек. Не представляешь, какая там организовалась теснота. Погрузились, после чего пришел откуда-то из-под Вязьмы поезд, прицепил вагоны и поехал. Следующая бомбежка произошла в Туле, потом мы снова двинулись в путь. Ехали голодными, случались долгие остановки, ждали прохода других эшелонов. Тогда мы, оборвыши, подходили к соседним вагонам и просили кусок хлеба, который в первую очередь отдавали матерям в нашем составе, у которых были маленькие дети, и что-то сами ели. Жили подаян timer. Нас довели до города Сызрань Куйбышевской области, где в первый раз покормили. Высадились же мы в Челябинской обла-

сти, очутились в селе Петухово Каслинского района. Из Ярцево сюда прибыло и ютилось три семьи, в том числе и я с братьями и сестрами. Работали в колхозе, я устроился в кузню молотобойцем, мне было семнадцать лет. Потом в сентябре 1941 года председатель колхоза нас, откровенно говоря, пожалел – уже холодно стало, и он нам сказал, что мы, не имевшие нормальной теплой одежды, непременно замерзнем. Он где-то газету нашел и вычитал, что таких беженцев, как мы, принимает Киргизская ССР. Выдал «литер» на поезд, и мы попали в г. Фрунзе. Приехали, нашли пересыльный пункт, где принимают беженцев. Здесь нас обо всем расспросили, взяли документы из того колхоза, откуда мы приехали. Оттуда послали в город Кант Фрунзенской области, после чего направили в поселок Быстровка, неподалеку от которого строили железную дорогу. Мы очутились в распоряжении руководства местного колхоза. Начали свое житье-бытье в эвакуации. Я работал на строительстве железнодорожных путей, меньший брат учился в школе, другой брат, Петро, на год старше меня, ушел в конце 1941 года в армию, а меня забрали в начале 1942 года. И отправили во Владивосток. Я был определен в Тихоокеанский флот, окончил морскую школу и получил специальность «рулевой-сигнальщик». Дальше пошла служба, нас сформировали и отвезли на Каспийское море. Был я немножко под Сталинградом, служил на тральщике, мы тралили морские мины, которые немцы в период своего наступления бросили в Волгу.

Шел 1943 год. Когда в феврале армия Паулюса под Сталинградом капитулировала, то я прочитал в газете о том, что в Каспийской флотилии организовывался отряд, предназначенный для пополнения 393 отдельного батальона морской пехоты. Я, как комсомолец и молодой патриот, написал командиру своего корабля заявление о том, что прошу добровольно зачислить меня в этот отряд. Капитан тральщика мне и говорит: «Не будь героем, ты стоишь в рубке, дождь бьет по крыше, а на передовой день и ночь будешь под открытым небом и под пулями находиться». Но я уперся, и все. Списали меня с корабля, так что стал я морским пехотинцем. Зачислили меня снайпером-наблюдателем, потому как метко стрелял. Был вооружен пятизарядной снайперской винтовкой Мосина с оптикой.

Мы начали походным строем двигаться по направлению на Новороссийск, Геленджик, Анапу и встали на Таманском полуострове. Здесь всех зачислили в 393 отдельный батальон морской пехоты, и мы начали готовиться к морскому десанту. Все время тренировались на мотоботах, учились правильно прыгать в воду, прыгали, когда вода была и по пояс, и по грудь. Важно выработать автоматизм – как только услышим команду капитана, он кричит: «Полный назад!», нужно начинать действовать. Такая команда означает, что под днищем судна уже грунт и мотобот при движении вперед может вылететь на берег. Тогда ты и прыгаешь; если все делаешь правильно, то воды тебе по колено, кто запоздал немножко – тот по пояс в воде оказывается. Кстати, нам перед строем зачитали приказ о том, что если кто-то не прыгнет при высадке, а вернется с мотоботом назад – того будут считать изменником Родины. Или расстрел, или в штрафбат и на передовую. Так что прыгали мы все до единого.

Вечером 22 января 1944 года первый отряд нашего десанта завершил погрузку и вышел из бухты Опасная. Ночью мы начали высадку в Керчи в районе Широкого мола. Немцы сильно обстреливали мотоботы, мне еще полных 20 лет не было, а среди морских пехотинцев были пожилые мужчины, от сорока лет и старше, так они молились Богу и просили: «Господи, помоги нам высадиться на сушу!» И мы вместе с ними крестимся. А немец поливает нас артиллерийским огнем, и несколько наших кораблей потонуло, так как враги очень метко стреляли из береговых пушек. Ведь к укрепленному вражескому берегу любому кораблю опасно подходить, а тут еще десант надо высадить. К счастью, за нами шли спасательные корабли, матросы с затонувших кораблей выплывали и их подбирали. Нас хорошо выручило то, что была проведена неплохая артподготовка перед десантом, да еще помогали наши самолеты, которые с воздуха бомбили немцев. Ну, мы высадились, заняли часть территории порта, ворвались в город, отбили несколько господствующих зданий, после чего соедини-

лись с нашими войсками, наступавшими со стороны Керченского плацдарма. Во время операции я был вооружен снайперской винтовкой, на боку висела саперная лопатка, противотанковые гранаты и «лимонки» Ф-1 в подсумках. Стрелял по немцам, убил или нет кого-то, врать не стану, фигуры падали, но точно не знаю, были ли они убиты, ранены или просто спрятались. Не буду брехать. Надо отметить, что у меня зажигательных пуль не было, но имелись трассирующие – зеленого и красного цвета. Ночью выстрелы таких пуль смотрелись красиво и завораживающе. Были еще сигнальные ракеты, но ими я не воспользовался.

В апреле 1944 года мы атаковали оборону противника, прорвали ее и дошли до поселка Камыш-Бурун. На подходе к Феодосии нас остановили и объявили, что часть наших морских пехотинцев направляются во флотский экипаж, потому что на Черноморском флоте остро не хватало специалистов морского направления. Так я в числе прочих очутился в Керчи, к нам, как мы их тогда называли, приезжали «покупатели» и набирали себе специалистов. Я числился в плавсоставе, поэтому ждал приглашения на боевой корабль. Вдруг к нам прибыл один капитан и многих матросов обманул, сказал, что у них есть большой катер, на который нужны моряки, мотористы и рулевые, которые умеют обращаться с компасом. Ну, я и согласился, не стал дожидаться, когда придут «покупатели» с торпедных катеров или эсминцев. Когда нас привезли на Азов, выяснилось, что вместо корабля нас всех зачислили на береговую батарею БП № 1007 под командованием старшего лейтенанта Георгия Александровича Докторина. Когда приехали, двинулись с матросами выражать свой протест. Мы пошли в кабинет командира батареи вместе с Торсенковым, тоже сигнальщиком, мы с ним еще во флотском экипаже продолжали семафорить, чтобы не забыть морскую науку. Нас офицер спрашивает, кто мы такие и как попали в экипаж. Рассказали ему о службе в морской пехоте, и тогда командир батареи меня расспрашивает: «Где ты служил на флоте?» Я все поведал о своей службе на тральщике. И сделали меня комендором на батарее, стали моим кораблем орудия на берегу.

Затем меня перевели в Ак-Мечеть, как тогда по старой памяти еще назывался поселок Черноморское. Туда поступили на вооружение морской батареи четыре 127-мм американских орудия, полученных по ленд-лизу. И я на этих пушках служил. Перевели меня в 1945 году. В расчет каждого орудия входили: командир орудия, замковый, я был правым горизонтальным наводчиком, имелся еще вертикальный наводчик, наводчик целика, два заряжающих – на снаряд и на заряд. Кроме артиллерийской obsługi, был еще старшина батареи, мичман. Несмотря на то что война все еще шла, батарея была развернута в строгом соответствии со штатами.

В Черноморском я встретил конец войны. Причем 9 мая 1945 года как раз стоял на посту, прибегают часов в пять утра начальник караула с разводящим и кричат: «Победа! Победа! Поздравляем с днем Победы!» К тому времени мы уже ожидали конца войны, все газеты об этом писали. Конечно же, все матросы сильно радовались и кричали в тот преисполненный радости день.

– Как кормили на фронте?

– Всякое бывало, когда на суше служил уже после батальона, то нормально. А в 393-м отдельном батальоне морской пехоты все зависело от походной кухни – когда она подойдет. Если нет ее, то питались сухим пайком. В него входили галеты, шоколадка, консервы в баночках. Мы по флотской привычке называли такой сухой паек «бортпайком». Мы его распечатывали своими кинжалами только тогда, когда кухня не подоспела или если на большом привале находились.

– Как мылись, стирались?

– В батальоне я не помню, чтобы мы мылись. А вот в Черноморском имелась своя прачечная, нашу батарею обслуживали две женщины. Ну а на корабле мы стирались самостоятельно.

– **С замполитами сталкивались?**

– Конечно, они у нас были в батальоне. Они нам помощь оказывали, замполит Кондратенко был неплохим мужиком. Но нам, рядовым матросам, больше всего нравились те политзанятия, которые проводил командир санитарной части, капитанедик. Весьма грамотный мужик, да и командовал он своими санитарями и медсестрами с большим толком.

– **С особистами сталкивались?**

– Нет, служил я хорошо, и никаких замечаний ко мне не имелось. Пришел я в батальон нормально и с хорошими документами.

– **Что было самым страшным на войне?**

– Десант. На батарею мы уже служили, как в мирное время. Когда же я был на тральщике, то постоянно думал о том, что если бы мы попали на мину и взорвались, то быстро оказались бы на дне. Поэтому у нас у каждого в кармане были жетоны, на которых выбивали фамилию, имя и отчество, а также адрес родственников и райвоенкомат, откуда матрос призывался.

После того как закончилась Великая Отечественная война, то я недолго пробыл на батарею, меня списали во флотский экипаж в Севастополь. Все время добивался отправки на корабль, поэтому меня направили на базу торпедных катеров, но здесь прослужил недолго, что-то с документами было не в порядке, то ли где-то потеряли, то ли еще что-то. Выяснилось, что у меня не было аттестата имущественного и пищевого. Меня обратно в 1946 году отправили в экипаж. А тут объявили в газете, что происходит демобилизация 1922-1924-х годов рождения. В экипаже таких набралось тринадцать человек. В начале 1947 года я демобилизовался из Севастополя. Когда вышел приказ с моей фамилией, я уже служил в 7 отдельной бригаде морской пехоты. Отслужил на флоте пять лет с 1942 года по 1947. Немножко повидал и повоевал.

Когда я находился в Черноморском на батарею, у меня появилась подруга из местных. И я хотел к ней вернуться, моя же старшая сестра находилась в Средней Азии, так что мне и «литер», и продукты питания оформили до самого города Фрунзе. Но я вернулся в Черноморское, и когда мы с моей подругой договорились о том, что поженимся, то я остался здесь и вот уже 65 лет живу в поселке городского типа Черноморское, который стал «пгт» в 1957 году.

Бабилов Макар Андреевич

(интервью А. Драбкина)

Я родился на Севере, на Печоре, в то время это была еще Архангельская губерния. Там вырос, учился. Год успел поработать учителем начальной школы, затем в райкоме комсомола, и в 1940 году я был призван в армию и попал на Северный флот, на базу Полярная, в зенитную батарею.

Война для нас началась не 22 июня, а 18-го. У нас были общешлотские учения по связи, и во время учений над главной базой флота пролетел немецкий самолет. Командующий спрашивает: «А почему не стреляли»? Все разводят руками.

«У вас на каждом корабле дежурное орудие. На каждой батарее дежурное орудие. Они обязаны стрелять без всякого приказа. Раз оно дежурное орудие».

Все командиры и политработники разводят руками.

«Впредь, если появится, открывать огонь».

Он через четыре часа снова появился, «Юнкерс», тут уже не только из дежурного орудия, а из всех, что были, ополчились. Он сразу взмыл вверх и полетел, а флот перевели в боевую готовность, и мы уже из батареи никуда не уходили, пищу доставляли прямо на боевые точки. Так началась для нас война.

Надо сказать, что в 1940 году, когда немцы оккупировали Норвегию, значительная часть населения Северной Норвегии на своих рыболовных судах, ботах, всеми семьями, со скарбом ушли в СССР. Им дали место в совхозе, и как только началась война, они сразу включились в боевую деятельность, не все, конечно, но мужчины, молодые мужчины, молодежь, они сразу включились.

На Севере была такая особенность – фронт шел по побережью, немножко захватывая Финляндию и Норвегию, и вот, по договору с нашими союзниками, по городу Тромсе была проведена разделительная линия, южнее Тромсе мы не имели право ходить, чтобы не побить своих, точнее, союзников, а севернее Тромсе они не имели права ходить.

После начала войны меня взяли в политотдел. Политотдел сформировался из командиров-запасников, которые пришли по мобилизации, а у большинства из них не было приличного образования, а я до армии уже успел поработать учителем, поэтому начальник политотдела диктовал мне донесение. Потом уже осенью пришло 4 политработника с академическим образованием.

Из политотдела я «по протекции» ушел в разведотряд, в учебном отряде у меня был командир взвода, который ко мне хорошо относился, он после начала войны попал в этот разведотряд, а потом из нашего дивизиона в этот же отряд пришел один политработник, вот они и дали мне протекцию, так я попал в разведку.

Название отряда иногда менялось, но всегда было слово «особый». Особый разведывательный отряд, отряд особого назначения. Но «особый» всегда присутствовало.

Отряд подчинялся непосредственно командующему Северным флотом адмиралу Головкин, он даже говорил про нас – это моя личная гвардия. Отряд был на особом попечении, никаких недостатков не испытывали. К нам иногда приходил Николаев, член Военного совета флота, говорил: «Я приехал с вами 100 грамм выпить». И вот однажды неприятный случай был – несколько человек из отряда подрались с гражданскими, а Николаев приехал разбираться. Он сразу хотел двух провинившихся выгнать, но я встал, говорю, в отряде все-таки неполадки не по этой причине. Нас похуже стали снабжать. Надо отряду и помочь. Немедленно появились яловые сапоги, хорошие добротные сапоги. Все, что надо было, все появилось.

Могут сказать, нам повезло. Командующий флотом и член военного совета держали отряд под своим контролем и наблюдением. Эта провинность – редчайший случай.

В отряде была большая группа иностранных коммунистов – сотрудников Коминтерна, для нас это было очень важно и очень полезно, потому что они знали обстановку, язык.

Все побережье от Тромсе и до фронта у Мурманска было под контролем разведки. Эта была очень тяжелая служба. Разведчики размещались прямо по побережью, в голых скалах, там землянки построить было невозможно, а сидели на этих точках 3–4, а то и 6 месяцев. Продукты туда забрасывались либо с подводных лодок, либо с парашютами. На этих точках несла службу особая группа отряда численностью 150 человек. Им не позволялось сдаваться в плен.

Вообще в отряде порядок существовал – в плен не сдаваться. Документов мы никаких не имели, форма не строго военная, а полугражданская-полуспортивная. В случае опасности надо было застрелиться. Биться до последнего, взрывать себя гранатами, стреляться. Помню, шли в операцию, надо было срочно прорваться к немецким позициям и захватить плацдарм для высадки основного десанта, но сразу после высадки один матрос был ранен в ноги, и тащить его обратно не было времени. Он попросил: оставьте пистолет. Мы отошли метров за 100, и он пустил в себя пулю. Все!

Был еще такой случай – норвежец, молодой человек, лет 20 примерно, радист, вообще вначале в отряде были только советские радисты, но потом их стало не хватать, поэтому пришлось прибегать к норвежским. Он был в составе группы из трех человек, все норвежцы, их послали за линию фронта, и они попали в засаду. Командир группы вырвался и ушел. Чтобы замести следы, он сначала пошел на запад, другой сразу бы к своей базе пошел, а он сделал такой поворот. В общем, вырвался из засады, но вблизи бывшей границы его все-таки настигли немцы, и он погиб. Его заместитель бился, пока не погиб. А радист – попал в плен. Парень оказался нестойкий, и его тут же прижали как следует, перевербовали.

В результате он послал сигнал, что ему нужна помощь, и к нему сбросили группу из двух человек, норвежца и нашего радиста. Они с ним встретились и пошли к берегу, там их должна была забрать наша подводная лодка, но как только подлодка подошла для того, чтобы помочь снять этих ребят, немцы открыли огонь в надежде захватить ее. Командир лодки скомандовал срочное погружение, а сам остался на плаву. Его раненым захватили в плен, но лодка с остальным экипажем смогла уйти.

Потом этот парень какое-то время побыл в Норвегии, а после немцы забросили его на один остров, на Севере, примерно на маршруте союзнических конвоев. Какое-то время посидел там, а потом вышел на шлюпке в море и утонул. Бросился в море.

В 1942 году наш отряд провел очень тяжелую операцию.

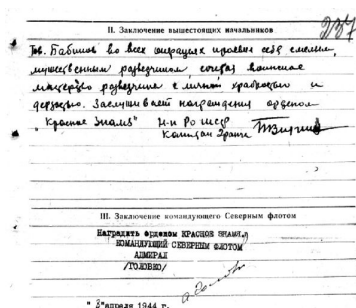
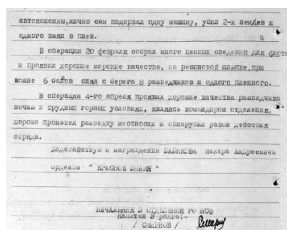
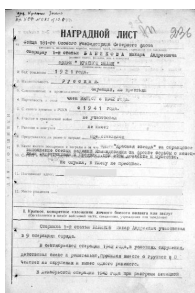
Мы должны были провести к опорному пункту немцев две роты морской пехоты, но одна рота в темноте заблудилась, и пока эту роту искали – другая бездействовала. Командир принял решение проводить операцию только силами отряда.

Наградной лист М.А. Бабикова на орден Красной Звезды

Нас высадило 120 человек, и двое суток, по скалам, мы шли к батареям. Метров за 150 до батарей залегли, дожидаясь темноты, а потом поднялись и пошли вперед, но сразу же наткнулись на немецкий дозор. Сразу схватка, шесть разведчиков погибли в первые 2–3 минуты боя. Но остальные сумели прорваться. Выскочили на обрез, а к двум орудиям успела прислуга выскочить и открыла огонь.

Мы сумели захватить эти пушки и продержались до утра, несмотря на то что у нас было много раненых. А утром персонал этой батареи сдался, а на следующее утро капитулировала дальнобойная батарея.

Командующий флотом нас потом поздравил: «Да, молодцы! Чистая работа». А командиру отряда, Леонову, объявил: «Ты – Герой Советского Союза!»

Наградной лист М.А. Бабикова на орден Красного Знамени

На этом, собственно, наша боевая деятельность на Северном флоте закончилась.

Вечером 8 мая 1945 года меня пригласили в политуправление и сказали, что Германия капитулировала и 9 мая в главной базе будет митинг, посвященный Победе. На этом митинге я выступал от имени краснофлотцев и старшин, а 10 мая нам объявили, что отряд переводится на Дальний Восток. Несколько дней на сборы, и крутите колеса. Где-то 20 мая мы выехали, тех, кто был постарше или ранен, оставили, а остальные отправились на Дальний Восток.

смыло за борт, катер получил повреждения, но мы все-таки ближе к полуночи дошли до Владивостока.

Вернулись в базу. Свалились измотанные, я прямо на причале, а в 5 часов подъем по тревоге – 2 часа на сборы, получить новое оружие, боеприпасы, продовольствие. И снова в бой.

В 7 часов мы вышли на трех катерах в Чхонджин. Там нас уже встретили артиллерийским огнем, еще на подходах. Мы с боем захватили причал и сразу рванулись вперед, чтобы перерезать железную дорогу. Взвод Никандрова захватил мосты, а мой взвод направился перерезать шоссейную дорогу.

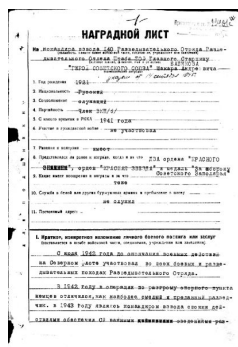
Японцы стремились ускочить на юг, и здесь дело дошло до того, что несколько матросов заскочили в кузов машины и схватились с японцами.

У меня во взводе одно отделение ходило с фотоаппаратами, их задача была – все фиксировать. И вот командир этого отделения, Максимов, когда был рукопашный бой, так увлекся фотографированием, что ему самому пуля попала в мужской прибор.

В этой схватке японец в меня почти в упор выстрелил, но чудо случилось, пуля мне по виску прошла, но кости не задела. Сейчас уже все заросло, а раньше было заметно.

Мы в городе продержались еще сутки, а десант, который туда должен был подойти, не появился. Они не смогли войти в бухту и высадились недалеко от города, а дальше его японцы не пустили.

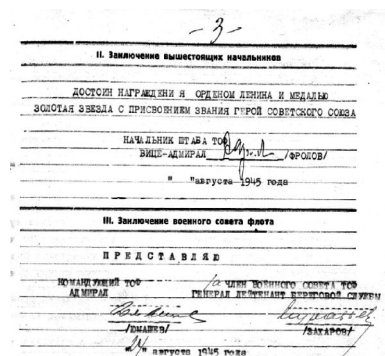
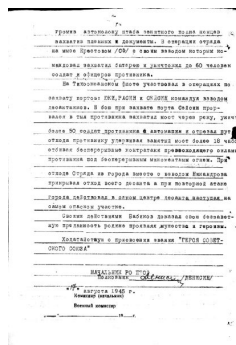
Японцы поняли, что в городе небольшая группа, и постарались нас выбить. Мы в порту закрепились, дождь льет как из ведра, японцы нас обстреливают, мы отстреливаемся. Так ночь продержались, а утром пришли два наших фрегата, и японцы сразу побежали.

Наградной лист М.А. Бабикова на присвоение звания Героя Советского Союза

Затем вернулись во Владивосток. Нам дали передышку 3 или 4 суток, и тут радио сообщило, что японский император заявил о капитуляции, а отряду поставили задачу высадиться в Вонсане, а там японский гарнизон 7 тысяч, аэродром, и вот мы должны были принудить этот гарнизон к капитуляции и захватить аэродром.

С аэродромом легко получилось – там Леонов провел минутные переговоры, чтобы самолеты не вылетали, а вот с гарнизоном сложнее было, переговоры шли двое суток – на одной стороне улицы мы с оружием, на другой стороне этой же улицы японцы также с оружием на изготовке.

Наградной лист М.А. Бабикова на присвоение звания Героя Советского Союза

Через двое суток гарнизон капитулировал. И вот мы должны были эти 7 тысяч свести в колонны, отобрать у них оружие, собрать его в одно место. Такая миссия выпала нам в последней операции на Дальнем Востоке.

Та война была скоротечная. Император заявил о капитуляции. Известно вам, что американцы сбросили две атомные бомбы, это тоже имело свое значение, на этом война закончилась.

Я одним из первых из отряда демобилизовался и поехал в Москву, у меня жена москвичка. Осенью 1941 года она копала окопы под Можайском, а потом пошла на флот. Закончила школу учебного отряда под Москвой и попросилась на Север. Оказалась даже не в Полярном, главной базе, на Рыбачьем, причем Рыбачий тогда был отрезан, связь только морем. Там мы с ней познакомились, а когда закончились бои на Севере, мы приехали в Москву, 30 декабря месяца зарегистрировались, 31-го сыграли скромную свадьбу. Так что с Дальнего Востока я вернулся в Москву и с тех пор здесь живу. Мы с женой закончили институты, вырастили детей, внуков и правнуков.

– Спасибо, Макар Андреевич. Еще несколько вопросов. Как отбирали в отряд?

– Отбор был очень строгим. Как только началась война – сразу вал рапортов с просьбой отправить на фронт. Тогда в разведотдел пригласили флагманского физрука флота. Говорят, вот пачка рапортов людей, которые рвутся на фронт. Посмотри. Ты ведь всех физкультурников знаешь. У тебя на глазах тренировки, всякие учения. Отбери. Он отбирает: сюда одних, других туда. На этих ребят можно положиться. Эти сомнительные. Ему и говорят: «Вот этими ребятами, которые ты выбрал, будешь теперь командовать». Таким образом, он оказался командиром разведотряда.

– В процессе войны были потери, как подбирались замена?

– Рапорта. И тоже отбор. Ошибки тоже случались. 2–3 случая я знаю, когда ребята оскандаливались. Где-то напились, поскадалили.

Был еще такой случай – в отряде стали пропадать личные вещи матросов. Матросы отнеслись к этому очень болезненно. Сами выявили кто. Говорят: или мы тебя в бою прикончим, или добровольно сам отсюда уходи. Этот парень немедленно рюкзак собрал и куда-то ушел. Но это единичные случаи. И только на берегу, в бою ничего такого не было.

– Как тренировались?

– В летнее время – марш-броски в полной боевой, тренировки на трапах, с оружием и рюкзаком бежать по трапу, чтобы не упасть и не свалиться в воду, это тоже надо навык приобрести. Друг с другом боролись, тем более я комплекции небогатой, большая часть ребят рослее и потяжелее меня, но как-то надо было держаться. А в зимнее время хождение на лыжах, умение спускаться с гор.

– Какое оружие брали с собой?

– Первое время войны СВТ, токаревская винтовка, полуавтомат. В 1941-м автомат был один у начальника, заместителя начальника разведотдела. Все. Но уже в 1942 году, тем более в 1943 году у всех автоматическое оружие, непременно нож или кинжал. На каждое отделение по пулемету.

Использовали преимущественно наше оружие, но немецкое тоже изучали.

– Вы сами высаживались в наблюдательных группах, которые смотрели за перемещением на норвежском берегу?

– Нет, на длительных заданиях я не был, только на несколько суток в тыл выходили.

Эти группы, как правило, были друг от друга изолированы и не имели права общаться, только радиальная связь со штабом. В 42 году погибло 5 групп, в 43 еще 5 групп. В одной группе был такой случай – у одного бойца не выдержали нервы, свихнулся на задании. Вынуждены были сами его расстрелять.

– Какая была численность группы, выходящей на задание?

– В зависимости от задания. Если на задание выходит сам командир отряда, то в этой операции большая часть отряда участвует.

В мае 1942 года была крупная операция. Отряд должен был вырваться вперед, отвлечь на себя внимание, чтобы на отряд навалились, и в это время в свободный прорыв должна была пойти армия. Отряд выполнил задание, а тут мороз ударил. Никто не мог предусмотреть, что бог такую налечь устроит. Многие были поранены, поморожены, операция сорвалась.

– Чаще на чем забрасывали: на катерах, подводных лодках?

– По-разному. В первое время, в 1941 году, на бывших рыболовных ботах. Потом на морских охотниках, торпедных катерах. Дальние заброски – подводные лодки.

– Кто вам ставил задачу? Сам Головкин?

– Штаб флота. Конкретнее – разведотдел. Мы были как единица разведотдела. В первое время мы даже в одном доме находились – жилой дом, два подъезда, в одном подъезде отряд, в другом – разведотдел. Но в 1942 году, где-то в начале лета, бомба попала прямо в ту часть здания, где разведотдел, часть сотрудников погибла сразу. Мы на задании были, вернулись, а у нас только обломки дома.

– Вы так и базировались в Полярном?

– Да, а маневренная база всегда была на Рыбачьем. Сначала это был бывший минный склад. Потом через некоторое время случился пожар, это помещение сгорело, нас поселили в бывшие финские домики. В этих домиках до конца войны дожили.

– Отряд большие потери нес?

– Отряд дважды нес крупные потери. Но одна самая тяжелая операция – это 1942 год, сентябрь. Там по недоразумению нас бросили не туда, дело шло уже к рассвету. По плану операции мы должны были возвращаться, а вместо этого командир бросил. Потеряли прекрасных разведчиков. Абрамов, такой ходок, ленинградец. Маршрут выбирал, как по карте. Вася Кашутин – отличный человек, почему-то предпочитал армейскую форму, на нем она сидела – залюбуешься! Он на склоне попал под обстрел, дальше склона небольшой бугорок в половину человеческого роста, мне так было обидно, что Вася там лежит, кричит. Я пополз к нему. Подполз, а он уже холодный, все. Кортик у него был за голенищем. Кортик снял, спустился. Там у нас было ходовое выражение – «Мухобой». «Мухобой, куда ты полез?» Но я уже вернулся. Кортик отдал командиру. Так он у него и был потом. Они у меня и сейчас стоят перед глазами. Встречался с Васиной сестрой. Переписывались. Сейчас она умерла.

– Леонов был хорошим командиром?

– Леонов как командир вырос в отряде. От операции к операции у него рос навык. И уже в 1942 году, когда мы пошли на эту операцию, он был командиром группы, 7 человек, группа управления. Леонов набрался навыка, стал офицером, и, условно говоря, командир уступил ему свое место, потому что перестал ходить на задания.

– Экипировка под каждое задание подбиралась или всегда стандартная?

– Зимой и летом по-разному были одеты. Хотя там и зима и лето относительные понятия – снег есть или нет снега, холодная вода или нет. Люди привыкли сами себя одевать. Строгого регламента, в чем ходить, в отряде не существовало, мы в этом смысле были вольными казаками.

– Зимняя одежда – это полушубки?

– У нас полушубков никогда не было. Фуфайка, ватные брюки. В 1943 году канадские костюмы. Они довольно легкие, хорошо просыхают, не так продуваются.

– Как часто приходилось ходить на задания?

– Это зависело чаще всего от того, что требуется командованию. Иногда и месяц не выходишь, а иногда в месяц 3 или 4 раза выйдешь.

Однажды, в 1941 году, когда на фронте обстановка была нестабильная, командование решило дать передышку отряду и к нам в отряд пришел Константин Симонов.

Он потом еще не раз приходил, даже сходил с нами на одну операцию. Там финны были. Накануне финны ушли, мы землянки порушили, сожгли и ушли.

Помню, мы с ним как-то сидели, беседовали и попросили: «Константин Михайлович, что-нибудь прочитайте фронтовое». Он посидел молчаливо некоторое время, а потом сам прочитал известную песню «Жди меня». Прочитал. Ребята выслушали. А потом один из пожилых, семейных, Алеша Чемоданов говорит: «Константин Михайлович, мы здесь люди семейные, у нас дети, жены, какого читать слова: изменив вчера, там такая фраза. Это морякам очень тяжело слушать, что изменив вчера». И Симонов изменил на «позабыв вчера».

А еще был такой фотокорреспондент Халдей, очень известный, он тоже очень много в отряде бывал, причем одновременно с Симоновым.

– Как вы проводили свободное время между операциями?

– Самое любимое было – это пойти в Дом флота, в клуб. Там можно кино посмотреть, потанцевать, музыку послушать. Причем пропуска нам давались хорошие. По существу, мы имели свободный доступ, отряд в этом отношении был в привилегированном положении.

– В основном противником немцы были или финны тоже?

– На Севере против нас финны не воевали. Против нас горно-егеря немецкие воевали. Сильный противник, тренированный. Они горы хорошо знали и воевали прилично, очень даже прилично, но только до осени 1944 года, когда угроза окружения их настигла, тогда они все бросили, только бы успеть убежать.

– Как к ним относились?

– Озлобленности не было. Мы знали, что, если не ты его, так он тебя. Все равно надо защищаться. Но иногда складывалась такая обстановка, когда поневоле сдавались, тогда пленные есть пленные, оружие забирали, и все. Нельзя сказать, что была злоба на них, ненависть. Этого не было. Как говорят, не резать его.

– Оружие с глушителем использовали?

– В нашем отделении глушителей не было, а в отряде были. Их использовали ребята, которые на позиции как снайпера сидели, чтобы не обнаружить себя.

– Кроме наград были еще какие-нибудь поощрения?

– Пришли с хорошей операции. Значит, обычное застолье. Мы с собой водки брали на отделение одну флягу, мало ли что, вдруг кто в воду попадет или раненый. А так водка оставалась в базе. Когда возвращались, тогда уже можно было соответственно отметить это событие.

– Радиостанции всегда брали?

– Да, радист обязательно. На базе дежурные радисты круглосуточные.

– На группу одна радиостанция или на взвод?

– Обычно отряд идет и одна радиостанция. Если маленькая группа, 2–3 человека, то у них обязательно радист есть.

Гантимурова Альбина Александровна

(интервью Б. Иринчеева)

Жила я в Ленинграде. Мама умерла, когда мне было три года, и воспитывала меня тетя. Я никогда не отличалась примерным поведением – могла на спор со второго этажа прыгнуть – вот была такая. Когда началась война, мы жили в Ленинграде. Двадцать второго началась война, а у нас заболел педагог, которому мы должны были сдавать русский язык, и в связи с этим экзамен перенесли на двадцать третье. Я тогда была в восьмом классе. Мы страшно обрадовались, что началась война и нам не нужно сдавать этот экзамен. Мы не знали, что такое война. Потому что финская война прошла как-то мимо нас – проходили эшелоны и туда-сюда, но она не так всколыхнула народ, как Отечественная война. И поэтому, когда выступил Молотов, мы как-то к этому отнеслись – сегодня война, а завтра ее не будет. В то время мы же не читали книги об этой войне, которые появились позднее. Мы читали книги тех времен, где говорилось о гимназистах и так далее. Очень мало было книг о войне. Мы не знали, что такое война. Поэтому, когда объявили набор в народное ополчение, то мы, четыре человека из класса, побежали в военкомат. При этом мы побежали в военкомат Дзержинского района. Там стояли толпы людей, желающих принять участие в народном ополчении. Но мы все-таки пробились, и когда нас стали спрашивать, сколько нам лет, – ведь нужно было восемнадцать, а нам и шестнадцати еще не было, мы что-то пробормотали, паспортов у нас еще, естественно, не было, и все-таки она нас записала всех четверых.

А в это время на углу Маклина (ныне Английский проспект) и Садовой стояли люди с подносами, собирали ценности в фонд обороны. Женщины снимали драгоценности, серьги, без всякого учета клали их на поднос. Мы тогда еще бегали туда смотреть, какие драгоценности бывают. Удивительное было время, как я сейчас вспоминаю. В конце концов нас все-таки вызвали, и попала я в медсанбат. Поселили нас в Доме ученых в Ленинграде, и нас стали учить на Марсовом поле, как ставить палатки. А в это время около Дома ученых на набережной стояли родители и родственники. Мне тетя махала рукой и кричала: «Альбина, если ты вечером не придешь домой, я тебя накажу!» А я не могла уже прийти, я уже дала присягу. И когда в ночь – я не помню числа – мы вышли из Ленинграда, мы шли в обмотках – сапог тогда у нас не было. Обмотки падали – нас учили их мотать, но мы еще не научились. У меня тридцать пятый размер ботинок, а мне дали сорок первый, и все, что у меня было гражданское, у меня было на ногах – иначе ногу можно было ставить в ботинке и вдоль, и поперек. Мы дошли до Пулковских высот пешком. Дивизия стояла дальше, а медсанбат стоял на Пулковских высотах. Мы там переночевали. Я помню, как я была дежурной по транспортному отделению, – когда раненых вывозят ближе к тылу, мы везли их дальше в госпиталь. И я уснула. Меня поставили дежурить, и я уснула. Тут подходит командир и говорит: «А ты

тут что спишь?» Я говорю: «А я дежурю». – «Как ты дежуришь, если ты спишь? Ну ладно, наказывать тебя буду». Вот такое было у меня первое поручение.

В медсанбате я пробыла очень мало. Меня контузило, и я попала в госпиталь. Там я тоже пролежала очень недолго. Я не помню места, но это был полевой госпиталь. Меня выписали и отправили в этот пункт, где распределяют всех раненых. И в это время проходила морская бригада. В госпиталь пришли представители всех частей, что нуждались в пополнении, и набирали себе народ. В госпиталь пришел офицер, я даже не знала, в каком он звании был, оказалось, что это был капитан, и говорит: «Эту девочку я беру себе». Так я оказалась в 73-й морской бригаде. Нас туда взяли четверых – троих мужчин и меня. Когда мы были в штабе бригады, там как раз был командир разведки, и он говорит: «Я ее себе беру». Он задал мне несколько вопросов, что я умею. Я ответила, что на лошади умею, и я действительно умела – девчонкой спортом занималась, и я еще сказала, что я собак люблю. Он сказал, что у них собак нет, значит, теперь будут. Посмеялись, и он сразу взял меня в разведку. Честно говоря, я даже не умела тогда стрелять. Что-то я видела уже – куда патрон засунуть, но не умела. Но я не говорила об этом. Поэтому, когда кто-нибудь что-нибудь делал, я смотрела и училась. Как-то раз решили надо мной подшутить и дали ПТР. Вы знаете, какая у него отдача? «Ты умеешь из него стрелять?» Я сказала, что не стреляла, но могу выстрелить. Я взяла это ПТР, тяжелейшее. И мне даже никто не сказал, чтобы ближе прижать к плечу, чтобы меньше была отдача. И когда я выстрелила, я, конечно, упала и чуть не вывихнула себе плечо. Командир роты разведки этого офицера наказал. Сказал: «Тебе старшиной надо быть, а не командиром отделения».

Какое-то время я была просто солдатом, через какое-то время мне присвоили звание сержанта и потом старшего сержанта. Я командовала отделением разведчиков в морской пехоте. У меня в отделении были люди, которые имели уже детей, все взрослые уже были. Они меня называли кто дочкой, кто как. И несколько было молодых матросов. Я ими командовала, и меня все слушались, но не дай бог кто-нибудь меня заденет другой – они в драку, все заступались за меня. Вот так прошла моя юность.

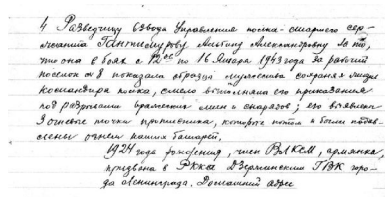
А.А. Гантимурова.

Первое время мы были, конечно, плохо экипированы – ватник, ватные штаны, потому что уже зима начиналась тогда. Все это было, конечно, мне большое, я как клоун была в этой одежде. Но когда я приходила в медсанбат за чем-нибудь, девчонки там настолько меня любили, что старались дать мне какие-то трусики, что сами сшили, или еще что-то такое, потому что у нас не было в армии ничего тогда для женщин. Было все мужское. Эти рубашки нижние большущие, кальсоны эти – вы представляете, мы носили кальсоны эти. Ватные штаны – тоже были велики. Что-то приходилось обрезать. Выглядели мы, конечно, смешно. Единственное, что зимой у нас еще были белые маскхалаты – это еще с финской. Оружие – сначала мы все ППШ наш очень любили, а потом как-то раз сходили в разведку, другой раз сходили – взяли немецкие, как их, «шмайсеры», что ли? Но они тоже неважные оказались. А наши эти, как их, ППС, они очень часто заедали – патрон криво встанет, и хоть убей.

Хоть разбирай. ППШ был для меня тяжеловат, но он надежнее. А потом, как к немцам стали ходить, все стали со «шмайсерами» ходить. Они легче просто. Они тяжелее, чем ППС, но легче, чем ППШ. Летом маскхалатов не было, какие маскхалаты? Их тогда вообще не было. Тельняшки у всех были. Если была разведка боем, то обязательно шли в тельняшках. Кстати, когда была разведка боем, то очень часто набирали пополнение из арестованных, из штрафников. Они приходили, и мы отбирали себе. Пополняли свою разведку так. Когда ходили в разведку боем, все они доставали свои бескозырки, ленты в рот, чтобы она не падала, и тельняшки у всех. Ремни и тельняшки у всех, чтобы видели, что это идут моряки. Немцы ведь боялись моряков. Очень боялись.

Я всегда оставалась все-таки женщиной, или, скорее, девчонкой. Мне жалко было солдат, когда мы их брали в плен. Первого немца я взяла, один на один мы с ним боролись. У меня, кстати, фотография его есть и фотография его невесты. Когда его уже допросили, его отправляли в тыл – а он же не знал, куда, и отдал мне свою фотографию и фотографию своей невесты. Я ему ноги перебила, потому что уже не знала, что с ним делать. Получилось так – он был в ячейке, а когда я перепрыгивала ячейку, он схватил меня за ногу. Я вырывалась, ему неудобно было, я по руке ему автоматом дала. Он выскочил из ячейки, и мы с ним молча боролись – я боялась голосом показать, что я женщина, он бы сразу понял, с кем имеет дело. А самое интересное – надо мной смеялись потом еще полгода: «Ты когда в разведку идешь?» – «А что?» – «Ты смотри, автомат с предохранителя сними». Когда я с этим немцем боролась, у меня автомат был на предохранителе. Я нажимаю на спусковой крючок, а он не стреляет. Все-таки я догадалась, и как-то у меня получилось снять автомат с предохранителя, я выстрелила и прострелила ему ноги. Он упал, ему ничего не оставалось делать. Но самое интересное, что он выскочил из ячейки без автомата. То есть он только силой должен был меня побороть. У него автомата не было, а у меня был. Я ему прострелила ноги, подползли ребята, все помогли сделать. Но все это было как во сне. Как я соображала, как все это делать, – я тогда многого не знала. Притащили мы этого немца, сдали, его допросили, перевязали, и тогда он мне дал свою фотографию и фотографию своей невесты. Сказал при этом, что его уже не будет, но чтобы его невеста знала, что он ей был верен, – и все в таком духе. С нами занимались все время немецким языком – как только свободное время, сразу учились. В основном военный язык – команды и все такое. Когда мы занимались, я не отставала от наших мужчин ни в чем. Потом обучали нас еще саперному делу – сначала с нами ходили саперы, а потом мы ходили уже сами.

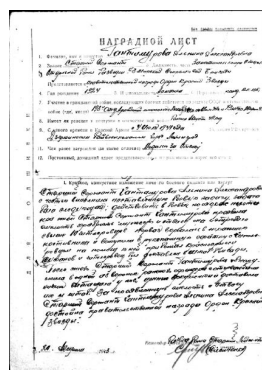
Были промахи, потому что мы настолько были молоды, что многого не знали. Как-то раз я заметила, что на нейтральной полосе, ближе к немцам, поблескивает все время стереотруба на солнце. Я, естественно, пришла и доложила. Мне сразу – ты его обнаружила, и ты будешь его брать со своим отделением. У меня тогда уже было свое отделение, и мы подготовились. Следим за ним, было солнце, стереотруба блестит – а он как играет, то в одну сторону, то в другую повернет. Тоже молодой, не соображал. Ночью мы его оглушили, вытащили, притащили в штаб. Мне все говорят: «О, Альбина, очередной орден!» Поднимают меня. Я даже не успела умыться, как меня вызывают в штаб. Мои ребята говорят: «Ну, за очередным!» И я такая довольная в штаб иду. Ворвалась в землянку, доложила, что я такая и сякая. Начальник разведки сидит и говорит: «Кого ты сегодня привела?» Я говорю, что не знаю, я звания не смотрела, документов нет, я все сдала. Нет, он говорит, подумай, кого ты сегодня привела. Оказывается, наши артиллеристы посадили своего наблюдателя, и я его приволокла. Когда уже все рассмеялись, встает этот детина, бросается на меня. Он бы меня убил, честное слово. Они просто посадили наблюдателя, никому не доложили, а тот тоже молодой, играет стереотрубой, туда-сюда. Потом долго про меня анекдоты ходили. Разведка ведь, как правило, рядом со штабом. Идешь, и все спрашивают: «Альбинка, ты кого сегодня приведешь?» Вот такие шутки были. Война есть война, там было все.

Представление на награждение А.А. Гантимуровой медалью «За отвагу».

Все ордена я получила за разведку, за пленных. Но самая дорогая награда – это медаль «За отвагу». Она у меня старого образца, и все мне говорят: «Что ты ленточку не сменишь?» А я говорю: «Не хочу, это у меня самая дорогая награда». Разведка боем. И очень трудно подняться, когда делают артиллерийский налет, потом его переносят, и нам надо вставать и бежать вперед и там брать кого-то. Это рассказывать так легко, а когда лежишь, через голову летят снаряды, пули и все что хотите. Прекратили огонь, перенесли дальше, и мы должны вставать и бежать. Залегли все, пехота залегла, и не поднять ее. Это такое чувство, и я сама испытала это чувство, когда кажется, что земля держит. Все отяжелело, ни ногу не поднять, ни руку не поднять. Вот она держит тебя. Я это испытала, и поэтому я об этом говорю. И у всех это было. Тогда командир крикнул: «Альбина, сними шапку!» У меня волосы были длинные. Сначала мне косы финкой пилили – не было ножниц, отпилили одну короче другой. Смех один, с меня можно было шарж рисовать. И он крикнул – чтобы все видели, что это девчонка. И этот крик и призыв – я встала и закричала: «вперед!». Все парни встали и пошли вперед. Но все равно все сложилось для нас тогда неудачно, мы до конца не довели начатое. Но после боя подошел ко мне командующий, взял руку и просто положил туда эту медаль. А ребята потом надо мной подтрунивали как могли – документов-то у меня не было. Страшно нас удивило, когда адъютант принес мне удостоверение уже много времени спустя. Ведь мог же забыть – ну дал и дал, и что? До чего люди были обязательные, даже в такой момент. Это самая дорогая моя медаль. Остальное все – «Звездочку» одну я получила, наверное, за общий ход боевых действий. Тогда награждали всех разведчиков, и меня в том числе, – за бои и за разведку, так, наверное. А «Славы» второй и третьей степени – только за пленных.

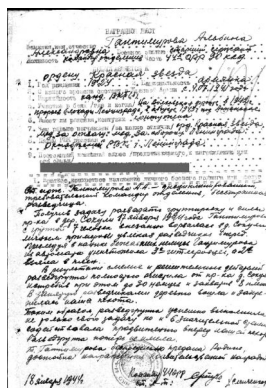
Перед выходом в разведку у нас было такое особое состояние, нервное напряжение такое, что лучше было лишний раз не подходить к нам и вопросов не задавать. Как-то раз шли мы уже к передовой на задание, а там сидел взвод пехотинцев и лейтенант молодой с ними. А я, когда ходила, шапку держала в руках, и было видно, что я девушка. Этот лейтенант мне и говорит: «Эрзац-солдат, а ты куда?» Меня это «эрзац» так взбесило, что я подошла к нему и два раза ему по лицу изо всех сил врезала прикладом автомата. И дальше пошла. А поиск сложился неудачно – бывает так, как запнешься в начале, так все идет не так. Обнаружили нас, и мы отошли. Пришла в штаб докладывать, что задание, мол, не выполнено. А меня спрашивают в штабе: «А что еще случилось, когда туда шли?» Я говорю: «Да ничего не случилось, все как обычно». Они говорят: «А это что?» – и выводят этого лейтенанта, а он весь забинтованный, не узнать. Я ему, оказывается, челюсть сломала. А я уже и забыла о нем. И вот он в дурацкой ситуации – что он будет говорить, что его ранило? Меня обещали посадить в яму – на передовой губа была в яме или большой воронке, но все обошлось.

Наградной лист А.А. Гантимуровой на орден Красной Звезды.

Еще один эпизод я хотела бы рассказать, который показывает, что при всем этом я оставалась женщиной. Это уже в Польше было, когда поляки выселяли немцев – причем всех, гражданских. Мы стояли около трапа парохода, на котором их должны были увезти, потому что мы должны были на этом пароходе уйти, но потом решили их пропустить вперед, этих немецких женщин. Идет немка молодая, и у нее на руках ребенок, девочка. Девочка держит куклу. Она проходит по трапу, а там стояли поляки – солдаты или офицеры, фиг их знает. Они стояли двумя шеренгами, и немецкие женщины проходили между них. Вырывает поляк эту куклу у девчонки и бросает за борт. И во мне что-то проснулось, или материнское что-то, или то, что я женщина. Я как поддадала этому поляку! А там канат был просто натянут, он перевернулся и в воду! Кричит: «Матка боска, я тебя расстреляю, убью!» и так далее, но там со мной много было наших, так что мне не страшно было. Потом командир меня спрашивает: «На кой черт ты с ним связалась, с этим поляком?» – мы их называли поляки, с ударением на первый слог. Я говорю: «Неужели ему жалко, чтобы эта девочка несла куклу?» Потом они стали придумывать, что в кукле могло быть что-то зашито и так далее. Я говорю: «Да бросьте вы, вон она, эта кукла, плавает, достаньте ее и посмотрите, нет в ней ничего». Во мне проснулось что-то, какая-то жалость к немцам. В Германии уже, когда бригаду расформировали, я была в 90-й стрелковой дивизии, там я тоже была командиром отделения разведки. Командир бригады нашей, когда его поставили командиром 90-й дивизии, а бригаду расформировали, он всю разведку из бригады взял себе. У него в воспоминаниях есть описание этого, что он взял всю разведку во главе с разведчицей такой-то и такой-то, которую знали все. После того как 90-ю стрелковую дивизию сформировали, она сразу перешла на Карельский перешеек, против финнов. Там мы участвовали очень мало, нашу дивизию сразу перегнали на запад. Потому что Лященко, командир дивизии, был просто выдающийся военачальник. Я его навещала в больнице незадолго до его смерти. Я для них всех была каким-то ребенком. А у Лященко была женщина на фронте, Анечка, очень красивая девчонка. Дома у Лященко была, разумеется, жена и к тому же дочь. А здесь была вот эта Анечка. Она, очевидно, всегда стеснялась своего положения – мне так казалось, по крайней мере. Красивая очень была. Она меня всегда подкармливала – иной раз идешь мимо их блиндажа, а она кричит мне: «Альбинка, зайди ко мне, тут жена Лященко варенья прислала!» Вот в таком духе. И я, идиотка, год назад, когда он в госпитале лежал, спросила его: «А вы любили Аню?» Он говорит: «Да, Альбина, я так ее любил». А она погибла так: поругалась с ним – рассорились они, и она во весь рост пошла по нейтральной полосе. Немец ее тут же снял. Это

было такое горе, особенно у нас, женщин. Достояна она была Лященко все-таки. Я даже не знаю, откуда она была, по-моему, она была связистка. Но я даже никогда и не спрашивала. Она всегда очень хорошо ко мне относилась. Когда стали призывать женщин на фронт, сразу получилось так: сколько прислали в войска, столько и услали через шесть месяцев. Меня это все как-то стороной обошло, потому что я всегда была с мужиками. Но сколько женщин приходило, столько и отсылали потом в тыл через шесть месяцев. Вы знаете, я их никого не осуждаю, была там, конечно, и любовь у многих, потому что и они были молодые, и солдаты, и офицеры – да все там тогда были молодые. Так что это не подлежит осуждению. Я тоже должна была каждый месяц проходить осмотр. Так я там была всего один раз. Врачи посмотрели меня один раз и рукой махнули – иди, мол, отсюда, и больше не приходи. Просто настолько все меня любили и хорошо относились. До такой степени, что, когда я приходила в медсанбат, девчонки не знали, что мне дать. Другая несет бинтик какой-то необыкновенный, другая еще что-то. Просто хорошо ко мне относились. Никто ни разу матом меня не послал. Но один раз у нас было большое несчастье, в дивизии Лященко. Заняли немецкий городок, а там стояли цистерны с этиловым спиртом. И у нас погибло сразу вместе с командиром роты шесть или семь человек. Это был такой траур. Дело в том, что мы, разведчики, первыми обнаружили эти цистерны и сами сделали такую вещь. Вообще ужасно было.

Наградной лист А.А. Гантимуровой на орден Славы III степени

Потом как-то раз нарвались мы на власовцев. Мы нарвались на них, заблудились, надо было влево идти, а мы пошли вправо, и слышим русскую речь. «Ребята, свои?» – «Свои!» И только мы встали, у нас сразу пять человек срезали. Но у нас был закон – всех раненых и убитых мы вытаскивали, никого не оставляли на земле. Всех убитых хоронили. И поэтому, когда говорят о Власове, какой он хороший и что он там хотел сделать, – это все ерунда. В основном там были у него украинцы. Я не знаю, что с ними там было дальше. Но когда сейчас начинают их оправдывать – это надо было видеть все, потому что так спонтанно сказать, что он был такой-то, нельзя. У меня даже есть снимок, когда мы хороним наших товарищей, погибших в той стычке с власовцами. Потом в Германии был такой случай: я выскочила на середину улицы, и навстречу мне выскочил мальчишка с автоматом – фольксштурм, уже самый конец войны. А у меня автомат наготове и рука на автомате. Он на меня посмотрел, заморгал и заплакал. Я на него посмотрела и заплакала вместе с ним – мне так его жалко стало, стоит пацан с этим автоматом дурацким. И я его пихаю к разрушенному зданию, в подворотню. А он испугался, что я его расстреляю сейчас, – у меня шапка на голове, не видно, девчонка я или парень. За руку меня схватил, а у него шапка слетела, я его по голове погладила. Еще пальцем погрозила, чтобы он не выходил оттуда. Я его лицо даже помню, этого испуганного мальчишки. Война все-таки. Другие отношения, все другое. Вы знаете, когда была подготовка к прорыву блокады, наша рота охраняла место, где заседало

все командование Ленинградского фронта, и Говоров там был, и Ворошилов туда приезжал. Все командование там было. Изба в деревне Арбузово, и нас поставили охранять. Но был такой мороз, такая холодрыга – я замерзла страшно. Из избы вышел офицер, и ребята говорят ему: «Пустите девчонку, она же замерзла». Завел меня в эту избу и на краешек посадил. А там мат-перемат стоит, они все матерились – каждый командующий доказывал свое. И что ни слово, то... Адъютант подошел к крайнему из них – а это был Ворошилов как раз – и что-то ему сказал тихо. Тот: «Да-да, конечно. Ясно, не будем». Но только начал говорить, и снова его понесло. Это был второй раз, когда я видела Ворошилова, а первый был раньше. Идет эта команда, которая здесь заседала, и в ней Ворошилов, а тут едут повозочные казахи, везут снаряды. Какой-то хмырь подбежал к казаху, а мы шли за этими санями, потому что они хоть немного снег приминали и нам не по пояс в снегу идти. А казах-ездовой, что видит, то и поет, как всегда. Адъютант подбегает, говорит, что надо посадить Ворошилова, так как он устал идти по снегу – все же в шубах, зима. Мне понравилось, что этот казах так медленно-медленно повернулся к нему, осмотрел его с ног до головы и говорит ему по-русски: «Иди-ка ты туда-то! Я сегодня пятую или шестую езду делаю, лошади устали. Какой там Ворошилов, мне лошадь дороже, чем этот Ворошилов. Мне еще снаряды возить сегодня». Запел песню и поехал. Мы все так расхохотались, а этот офицер от него отстал. В то время мы никогда не спрашивали, кто какой национальности. У нас были в разведке казахи, был грузин один – кстати, вот его не любили, он все время свои проблемы решал. Потом были узбеки еще.

Похороны разведчиков, погибших в стычке с власовцами. В центре А.А. Гантимурова. (Из архива А.А. Гантимуровой)

О партизанах могу сказать из своего опыта – как-то раз нам нужно было пройти в тыл к немцам достаточно далеко, и командование связалось с партизанами, сообщили, что в таком-то и таком-то месте мы будем переходить мост. Все согласовали. И только мы подходим к мосту, как он взлетает на воздух. Эти партизаны там пили как бобики, у них там и самогонные аппараты, и жены, и черт знает кто в отряде были. Так что мой личный опыт общения с партизанами отрицательный. С тех пор наше сотрудничество с партизанами стало гораздо меньше.

Похороны моряков, погибших в ходе разведки боем. 73-я морская бригада. (Из архива А.А. Гантимуровой)

Слава богу, что у меня не было любовников на фронте. Любого мужчину спросите из нашей бригады или 90-й дивизии – они все относились ко мне как к ребенку. Что-нибудь вкусное достали – это все мне шло. Ни разу не попробовала водку. Даже когда замерзала. Когда мы шли, нам всегда наливали полную флягу водки или спирта. Ни разу не попробовала. Другой раз меня ребята уговаривали: выпей, согрейся, глоток только. Натирали мне ноги, руки спиртом, чтобы согрелась. Ни разу не выругалась матом – вот это я жалею, иногда надо было кое-кого послать. Ни разу не попробовала закурить. Так что я какой была, такой и осталась. Муж мне говорил – как дурочкой была, так дурочкой и осталась.

По поводу поведения Красной армии в Германии могу сказать следующее. У нас, разведчиков, была совсем другая дисциплина, мы были как отдельный клан. По поводу изнасилований ничего не могу сказать, мужики же со мной не делились этим. Да меня там вскоре ранило, и когда я лежала в госпитале в Ленинграде, ко мне многие заходили и дарили обязательно что-то немецкое – значит, брали там, в Германии, это у кого-то. Да и скрывать нечего, были те, кто вывозил из Германии добро эшелонами. Ненависть к немцам была страшная, но у меня лично ее не было. Не было, и все. Я просто делала свое дело, да и все мы, разведчики, делали свое дело. Лишний раз не ударяли. Сейчас к немцам ненависти абсолютно нет, сейчас другие люди совсем – кого ненавидеть-то? Я помню и такой случай, когда Пушкин заняли, там у немцев было гетто, и была там старушенция, русская, а внук у нее был еврей. Мы ночью постучались к ней в избу, и она перепугалась, что опять идут немцы. Когда она услышала русскую речь, она перепугалась, потому что ее сын женился на еврейке, и ее внук был страшно похож на еврея. Она его прятала, потому что его бы убили. Я помню, что я сняла шубу и отдала ей – она была в тонком пальто. Я всегда такой была. Я через столько всего прошла, но я же не спустила повода, при всем я осталась человеком.

Колосов Павел Гордеевич

(интервью О. Корытова, К. Чиркина, И. Жидова)

Я, Колосов Павел Гордеевич, родился в Ленинграде в 1922 году. Мой отец родом из западной Белоруссии, из семьи рыбаков. Сюда приехал еще до революции. Работал на заводе им. Калинина. Слесарь-лекальщик 6-го разряда и слесарь-инструментальщик 7-го разряда. А мать – коренная ленинградка. Работала на том же заводе, но с перерывами, поскольку детей было четверо.

Сначала я учился в восьмилетней школе № 14, на улице Зверинской, а 10-й класс заканчивал в 17-й школе. Шикарный у нас коллектив был...

Я учился отлично. Но мы уже знали, что в институт не попадаем. Только с белым билетом брали в институт, остальных – в военные училища. В 1939 году вышло постановление правительства, по которому все выпускники 10-го класса направлялись или в военные училища, или в армию. Из всего нашего класса в институт попала пара человек с белым билетом: один, Павлович, который действительно «дохлятик» был, и еще Виктор Шпак. Виктор был близорукий, попал в Горный институт. Мы с ним вместе мечтали поступить туда, он поступил, но после первого курса попал в мясорубку на Лужских рубежах. На строительстве оборонных сооружений попал в плен. После войны из класса вернулись двое: я и Виктор Шпак. Где он был, что с ним произошло, об этом я с ним никогда не говорил, – когда мы вернулись – мы были как бы на разных полюсах. Он бывший военнопленный, а я с двумя орденами Красного Знамени, поэтому у нас с ним только «Здрасте». Два человека из класса... Остальные ребята погибли... Еще Леша Лабутин пришел, но где-то через полгода умер от травм, полученных во время войны. Из девчонок, правда, много кто выжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.